
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ ГЕРОЕ

Несправедливость победителей затмевает
вину побежденных.

Ханс Хабе

Трудно назвать большего пассионария XX в., чем аргентинец Эрнесто Гевара де ла Серна, известный всему миру как команданте Че Гевара.

Более полувека он вдохновляет молодых людей планеты. Причем они вам не скажут, на что именно он их вдохновляет. Не на превращение же их родины в парию, откатившуюся на сто лет назад в экономическом, финансовом, научном, культурном, а главное — в социальном и антропологическом отношении (а именно это сделали с Кубой братья Кастро при помощи Че).

Не на тысячи же смертных приговоров, которые команданте подписывал не глядя (зато с удовольствием наблюдал в минуты отдыха из рабочего кабинета за казнями: он нарочно выбрал помещение с видом на расстрельный плац).

Не на постоянные же поражения от буквально любого противника в боях — на Кубе, в Конго, в Боливии.

Не на бесславленную же смерть после года блужданий без компаса по джунглям.

Образ Че Гевары не вдохновляет, а воодушевляет молодежь. Это не одно и то же. Вдохновляться можно на великие свершения, а эйфорию воодушевления можно испытывать без причины и без смысла — просто так, от полноты чувств, то есть от буйства гормонов.

Ключевое слово здесь — буйство. Молодежи нравится буйствовать, это естественно, — и так же естественно для нее

прекращать буйство по окрику старших, когда выпускание пара переходит границы дозволенного.

Точно так же стоило Че заиграться и попытаться укусить «кормящую руку» СССР, как стало ясно: песенка команданте Че спета. Тем более что и повод подвернулся: на постах президента Национального банка Кубы и министра промышленности Че за пять с половиной лет довел Кубу до голодной дистрофии.

Кастро сослал Че Гевару сначала в Конго, а когда тот вернулся оттуда живым, спровадил его в Боливию — делать Панамериканскую революцию. Разжечь огонь восстания кубинским наемникам в Боливии не удалось: за год к их отряду не примкнул ни один крестьянин. Но смертью своего, возможно, самого преданного исполнителя Кастро воспользовался сполна: рекламная кампания по имени «Че» оказалась чрезвычайно успешной, а главное — самоиграющей. В нее не пришлось даже особо вкладывать денег. Напечатанные в две краски портреты продаются все новым и новым поколениям молодежи, вызывая изумление и оторопь у миллионов кубинцев, бежавших с Острова свободы.

Но дело не только в жажде острых ощущений, имитацию которых дает культ Че. Именно имитацию — потому что реальные острые ощущения всегда сопряжены с опасностью. Асоциальное же поведение фанов команданте ничем им не грозит. Скандируя «революционные» лозунги, развлекаясь вандализмом и хулиганством (а это именно развлечение), они прежде всего выражают свое презрение к тем, кто их содержит, кто содержит этот мир.

Тайна соблазна образа Че Гевары в этом и кроется: он прославился именно своей асоциальностью, своим презрением к порядку, своей жестокостью, своей разрушительностью и своей безответственностью. Он делал то, чего

нормальные люди стыдятся,— и его за это превозносили. Вернее — превознесли. Реального Че Гевару, когда за его спиной не стоял отряд спецназа, не раз и не два ставили на место его товарищи по оружию, не стесняясь в действиях и выражениях.

Че Гевара ненавидел мироустройство, ему был противен любой устоявшийся порядок, он был не созидателем — он был яростным, убежденным, фанатичным разрушителем. Во время посещения СССР в 1963—1964 годах его больше всего возмутил тот вопиющий факт, что советские люди старались благоустроить свою жизнь, то есть, по его мнению, «обуржуазиться». Его идеалом революции было, прямо как в известном анекдоте: «чтобы не стало богатых». Все должны были стать нищими. Несогласные подлежали перевоспитанию, а «неисправимые» — ликвидации.

Многое в феномене канонизации образа Че Гевары проясняет социальный состав его фанов. В массе своей (если не в большинстве) эти молодые люди не обременены ни излишним образованием, ни заботами о хлебе насущном, ни ответственностью за ближних. Проще говоря — это безработные молодые люди, находящиеся на иждивении родственников или государства (против которого бунтуют), не имеющие семей и детей, которых нужно кормить и воспитывать,— но зато любители поджигать автомобили, грабить магазины, избивать прохожих. Вандализм — не просто *modus operandi*, это символ их веры.

И как никто другой в качестве апостола такой идеологии годится Че. В отличие от Сталина, который все-таки осуществил индустриализацию, коллективизацию и военную модернизацию бывшей Российской империи (ценой ее будущего упадка и распада — но это другой вопрос), в отличие от Гитлера, при котором в Германии не только строились

автобаны, но и работало больше чем где бы то ни было в мире лауреатов Нобелевской премии, — в отличие от них Че Гевара провалил все, за что брался. Он был никудышным боевым командиром, в чем не раз признавался сам. Под его руководством передовая страна Латинской Америки практически мгновенно скатилась в нищету и стагнацию. Но он хорошо умел принуждать и наказывать — а кому из молодых хулиганов этого не хочется?

До тех пор, пока люди будут переходить из детства в зрелость, до тех пор многие из них будут проходить через период восхищения человеком, который сделал себе имя на том, за что их порицает общество. Но ни история, ни жизнь не останавливаются. Человек взрослеет, заводит семью, у него появляются дети, он начинает о них заботиться — и с тревогой ожидать того дня, когда они подрастут и повесят у себя на стене портрет длинноволосого жидкобородого парня в берете со звездой.

Культурной иконой Гевару сделал не его пример для бедных стран, а его способность вызывать сочувствие у избалованной молодежи богатого Запада¹.

И последнее замечание. Готовя настоящее издание, мы предпочли следовать (по возможности) хронологическому принципу.

Эволюция мировоззрения Че Гевары, история его идейных метаний от сталинизма к троцкизму и от Хрущева к Мао, череда его слов и дел при ретроспективном обозрении представляют собою законченную картину кристаллизации и в то же время распада личности. Че не мог поступать по-

¹ *Фалькофф М.* Он думает, что нам все еще не безразлично [о книге Дж. Ли Андерсона «Че Гевара: революционная жизнь»] // *The American Spectator*, Vol. 30, № 6 (июнь 1997 г.).

другому, он должен был исполнить свой долг. И это напоминает нам: герои истории — тоже ее жертвы.

К Че, как ни к кому другому в XX веке, приложима строчка из «Интернационала»:

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим —
Кто был ничем, тот станет всем.

В теории Че был не только разрушителем; вероятно, в своих фантазиях он представлял себе, как высокосознательные, бескорыстные, самоотверженные, бесплатно работающие люди на голой земле (ибо ее сначала обязательно нужно опустошить) создают из ничего процветание. Но он не мог, не умел, а главное — не желал ждать. Он был из тех людей, которые уверены: для того, чтобы ребенок быстрее рос, его нужно тащить вверх (или даже подвешивать) за волосы. Че был прогрессором — но горе тем, кто понимал прогресс не так, как он.

Прелюдия

•
*Устал — отдохни. Но тогда ты
никогда не будешь первым [10]¹.*
•

Начнем наше путешествие по биографии и судьбе — с первого путешествия самого Эрнесто (тогда еще не «Че») Гевары по Латинской америке, которое он сам запечатлел в своей известной книге — «Дневник мотоциклиста». Будем помнить, однако, что в это путешествие отправлялся далеко еще не революционер:

•
*В юности социальные проблемы
меня нисколько не волновали,
и ни в студенческих забастовках,
ни в политической жизни
Аргентины я не участвовал [4].*
•

В январе 1952 г. одержимые жаждой странствий Эрнесто Гевара и его старший друг Альберто Гранадо выехали на мотоцикле с коляской из Буэнос-Айреса. 18 февраля они прибыли в чилийский город Темуко и организовали появление в местной газете заметки о двух знаменитых пу-

¹ В работе над настоящим изданием были использованы статьи, речи, выступления, письма, интервью и дневники самого Че Гевары, а также высказывания о нем его друзей, врагов, подчиненных и биографов, почерпнутые из разных источников — широко известных и редких, русских и иностранных, апологетических и критических. В конце издания мы помещаем список всех цитируемых источников. Здесь и далее цифра после цитаты отсылает любознательного читателя к конкретному цитируемому источнику.

тешествующих специалистах по лечению проказы¹. Вырезку из газеты они использовали для получения крови и пропитания у местных жителей. При выезде из города «внезапно мотоцикл взбрыкнул и сбросил седоков на землю» [1]. Пока его ремонтировали, Эрнесто и Альберто присоединились к компании чилийцев и отправились с ними пить вино.

Сборище происходило в приятной, интимной обстановке, и мы продолжали накачиваться вином. Какой-то механик из мастерской попросил меня потанцевать с его женой; женщина была лакомым кусочком, и я взял ее за руку, чтобы вывести наружу; она робко последовала за мной, но, заметив, что муж следит за ней, сказала, что остается; я был уже не в том состоянии, чтобы внимать доводам рассудка, и мы затеяли потасовку прямо посреди танцплощадки... Пока мы бежали до городка, преследуемые толпой разъяренных танцоров, Альберто клялся, что никогда больше не притронется к вину, за которое надо расплачиваться с мужьями [1].

Гранадо позже вспоминал, что Че сказал ему:

•
*Мы должны дать обещание больше
не свращать женщин на танцах. [2].*
•

8 марта Гранадо и Гевара (после того как их мотоцикл приказал долго жить) продолжили свое путешествие — зайцами на корабле,

запервшись в уборной. Отныне наша задача свелась к тому, чтобы гнусавым голосом оповещать «нельзя» или «занято» в полудюжине ситуаций, когда кто-нибудь приближался к запертой двери [1].

¹ Гранадо уже закончил мединститут, Гевара в нем учился.

Путешествуя по странам Южной Америки, мы... посетили древний город инков Мачу-Пикчу. Я говорю Че: «Знаешь, старик, давай останемся здесь. Я женюсь на индианке из знатного инкского рода, провозглашу себя императором и стану правителем Перу, а тебя назначу премьер-министром, и мы вместе осуществим социальную революцию». Че ответил:

•
*Ты сумасшедший, Миаль¹, революцию
без стрельбы не делают!*
•

Из рассказа Альберто Гранадо [3].

11 мая Гевара и Гранадо отправляются в колонию прокаженных Сан-Пабло в джунглях Амазонки. В письме родителям Эрнесто пишет:

Если вы в течение года не получите от нас известий, то через год ищите наши засушенные головы в каком-нибудь американском музее, потому что мы собираемся пересечь территорию хиваро² [2].

14 июня Геваре исполнилось 24 года, и вся прокаженная колония устроила праздник, который он описал так:

Они устроили мне вечеринку с большим количеством «эль писко», своего рода джина, который делает вас прекрасно пьяными. Медицинский директор выпил за нас, и я, вдохновленный выпивкой, ответил очень панамериканской речью, которая вызвала бурные аплодисменты от имени-

¹ *Миаль* — сокращенно от «ми Альберто» (испан. «мой Альберто»).

² *Хиваро* — южноамериканские индейцы; известны ритуальным искусством изготовления скульптурных портретов убитых врагов (снятая с головы кожа вываривается, высушивается и, став меньше, заполняется горячим песком).

той и чрезвычайно пьяной аудитории. Сцена была одной из самых интересных в нашей поездке. Аккордеонист без пальцев на правой руке использовал маленькие палочки, привязанные к его запястью, певец был слепым, и почти все остальные были ужасно изуродованы. С отражением света от ламп и фонарей в реке это было похоже на сцену из фильма ужасов.

14 июля друзья добрались до Каракаса, где пробыли только неделю. Здесь их пути разошлись: Гранадо устроился на работу в лепрозории, а Гевара отправился в США.

26 июля Эрнесто прилетел из Каракаса в Майами на грузовом самолете, перевозившем скаковых лошадей. Предполагалось, что в Майами они пробудут всего один день, но один из моторов самолета забарахлил. Пассажиру пришлось дожидаться окончания ремонта с единственным долларом в кармане [2].

В конце августа 1952 г. Гевара вернулся в Буэнос-Айрес, а через месяц приступил к подготовке к экзаменам и дипломной работе по проблемам аллергии.

2 апреля 1953 г. Эрнесто сдал последний экзамен (по клинической неврологии), через несколько дней получал диплом доктора-хирурга в области дерматологии, а вскоре — повестку в армию.

Служить, даже на не слишком обременительной должности офицера-медика, он не желал. А потому решил симулировать болезнь, а попросту говоря, «откосить». По несколько часов лежал в ледяной воде, прикладывал ко лбу колотый лед, ходил по холодной земле босиком. Астма, которая вроде бы отпустила молодого человека несколько лет назад, вновь дала о себе знать. Медицинская комиссия признала молодого дерматолога негодным к военной службе, и Эрнесто решил от греха подальше покинуть родину [4].

7 июля с Карлосом Феррером, по прозвищу Цыганенок, сыном доктора, лечившего Эрнесто от астмы, Гевара отправился во второе путешествие по Латинской Америке¹.

Они ехали во втором классе в обществе индейцев, работавших на сахарных заводах в Жужуе; Феррер высказался об этой поездке так: «Мы сидели на местах второго класса, зато с первоклассными людьми» [2].

В Ла-Пасе Эрнесто познакомился с Рикардо Рохо². Из дневниковых записей того времени:

Ла-Пас — это Шанхай Америки. Множество искателей приключений всех национальностей прозябают и процветают посреди красочного города-метиса, ведущего страну к своей судьбе. «Состоятельные» люди горько сетуют на новое [общественное] значение, придаваемое индейцам и метисам.

В один из дней я пошел в министерство по делам крестьян, где ко мне отнесли весьма учтиво. Это странное место: группы разных индейцев ждут своей очереди, чтобы получить аудиенцию. В каждой группе, одетой в типичный костюм, есть главный, который говорит с ними на их родном языке. Когда они входят, сотрудники опрыскивают их ДДТ³ [5].

¹ В Боливию, Перу, Эквадор, Панаму, Коста-Рику, Никарагуа, Гондурас и Сальвадор.

² *Рикардо Рохо* (1923—1996) — аргентинский адвокат, лидер Радикальной партии, автор книги «Мой друг Че».

³ *ДДТ* — инсектицид, применяемый против комаров, вредителей хлопка, соевых бобов, арахиса. Ныне запрещен для применения во многих странах. У человека вызывает отравление, признаками которого являются общая слабость, головокружение, тошнота, раздражение слизистых оболочек. Широко распространенное бытовое название ДДТ — «дуст». Однако дуст — это форма препарата, а не само действующее вещество.

Из письма к Тите Инфанте¹ от 03.09.1953:

Боливия — это страна, которая подала действительно важный пример американскому континенту. Мы видели подлинную обстановку борьбы, оставленные пулями следы и даже останки человека, убитого во время революции и недавно обнаруженного на карнизе; нижняя часть его тела была оторвана динамитом, который они носили на поясе [5].

Из Боливии — в Перу. 17 августа парочка пересекла боливийско-перуанскую границу, причем пограничники с большим вниманием отнеслись к их книгам и записям.

Когда я добрался до Пуно, у меня на последнем таможенном посту были конфискованы две мои книги: *El hombre en la Union USSR*, а также публикация министерства по делам крестьян, которую они громко обвиняли в том, что она «красная». После шуточных препирательств с их начальником я согласился поискать копию публикации в Лиме. Когда мы уже собирались забраться со всем нашим багажом в наше купе второго класса, полицейский с таинственным видом предложил нам пойти в первый класс и бесплатно поехать в Куско со значками, принадлежащими двум из них. Конечно, мы согласились на это и устроили себе комфортную поездку, продав двум ребятам билеты второго класса [5].

После посещения Куско, Мачу-Пикчу и Лимы путь лежал в Эквадор. 26 сентября друзья пересекли его границу и вскоре добрались до Гуаякиля.

¹ *Берта Джильда Инфанте* (1926—1976) — аргентинская коммунистка, подруга Эрнесто по институту, многолетний адресат писем Че. После Буэнос-Айреса изучала неврологию в Марселе и психиатрию в Париже. Покончила с собой.

Там они снова встретились с Рохо. Тот позднее вспоминал, как Эрнесто выиграл спор насчет состояния своего нижнего белья. Он снял его, и удивленным взглядам друзей предстал самостоятельно стоящий предмет неопределимого цвета, покрытый грязью со всех дорог, по которым они странствовали [2].

24 октября путешественники отплыли из Гуаякиля в Панамаму и 29 числа прибыли в порт Бальбоа.

Из Панамы Эрнесто со спутниками в начале декабря отправляется в Коста-Рику. В Сан-Хосе он знакомится с политическим изгнанником, будущим президентом Доминиканской Республики Хуаном Бошем¹.

У нас отличный день, мы болтаем с доминиканским писателем и революционером Хуаном Бошем, литератором с ясными идеями и левыми тенденциями. Мы не говорили о литературе — только о политике. Он описал Батисту как бандита, окруженного головорезами [5].

Здесь же Эрнесто встречает участников штурма казармы Монкада и впервые слышит их восторженные отзывы о Фиделе Кастро. Его реакция полна скепсиса:

Дурите кого-нибудь другого! [2]

В декабре 1953 г. Эрнесто пишет матери из Гватемалы:

¹ Хуан Эмилио Бош Гавиньо (1909—2001) — доминиканский писатель, историк и политик. Противник Р. Трухильо, политэмигрант. В 1947 г. был среди организаторов неудачного заговора против Трухильо, бежал в Венесуэлу, куда за ним послал убийц уже Трухильо. (Доминиканский посол в Венесуэле сорвал план своего президента.) На Кубе после переворота Ф. Батисты Бош был брошен в тюрьму. После освобождения уехал в Коста-Рику, где и делился с Че впечатлениями о кубинских застенках. Избранный президентом Доминики в 1963 г., Бош через семь месяцев будет свергнут. Его влияние на свое творчество признавал Габриэль Гарсиа Маркес.